

Ночной театр

Автор:

[Викрам Паралкар](#)

Ночной театр

Викрам Паралкар

МИФ Проза

С наступлением сумерек хирург закрывает свою ветхую клинику в Индии. Его день, как и все предыдущие, был непростым. Медикаменты не поступают вовремя, проводка грозит сгореть в любую минуту, а супервизор – коррумпированный правительственный чиновник – вымогает взятки. Работа неблагодарная, но хирург давно потерял надежду на вознаграждение в этой жизни.

Однажды ночью его кабинет посещает семья – учитель с беременной женой и маленьким сыном. Дело обычное, если бы не один факт: как незваные гости могли выжить с чудовищными ранами?

Теперь до рассвета ему предстоит вернуть семью к жизни.

На русском языке публикуется впервые.

Викрам Паралкар

Ночной театр

Издано с разрешения VIKRAM PARALKAR c/o Rogers, Coleridge and White Ltd.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Vikram Paralkar, 2019

First published in India in 2017 as *The Wounds of the Dead* by Fourth Estate, an imprint of HarperCollins Publishers

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Один

В день, когда хирурга посетили мертвецы, воздух в лечебнице был пропитан формалином. Аптекарь налила раствор в мензурку и оставила на ночь в операционной, чтобы прочистило все углы. Как только открыли дверь, едкая вонь хлынула в коридор и смерть проступила сквозь стены. То была самая обычная, заурядная смерть – насекомых и грызунов.

?

Накануне один крестьянин рассек другому руку серпом. Пятеро крестьян взбежали на взгорок, оставляя кровавый след, и столпились в лечебнице; рана была перехвачена замызганной тряпицей.

Хирург снял повязку и увидел рваную рану от локтя до запястья.

– Как это случилось?

Раненый прохрипел сквозь зубы:

- Этот пес меня.

Обвиненный пояснил понуро:

- Я пшеницу жал, доктор-сагиб. И не заметил, что он наклонился поднять сноп. Пожалуйста, зашейте ему руку, я заплачу.

Хирург прижал повязку к ране.

- Не так-то это просто.

Аптекарь стояла рядом с ним, уже в перчатках. Хирург велел ей отвести пациента в операционную и пошел следом, переступая через капли крови на полу. Прочие крестьяне остались в коридоре. Один из них вытащил из кармана кисет с табаком.

- Только не плюйте на стены, - предупредил хирург и закрыл за собой дверь.

Аптекарь застелила операционный стол простыней, хирург велел крестьянину сесть на табурет и положить руку на стол. Натянул перчатки и снова снял повязку. Рана кровила. Хирург взял крестьянина за руку, потянул, и тот ахнул.

Разрез был длинный, неровный, но неглубокий: пострадала в основном кожа. В одном месте серп вошел чуть глубже, но артерию не задел. Солнце стояло высоко, света в операционной хватало. Хирург смазал кожу йодом, капнул немного в рану, провел вдоль разреза ватой, пропитанной спиртом, который, как обычно, разлился, точно нефтяное пятно по воде, проник в рану. От йода крестьянин закричал, а после спирта запрокинул голову и помянул недобрым словом чью-то мать и сестру.

- Замолчите, - велел хирург. - Вы мешаете мне работать.

- Жжет, сагиб.

– Я знаю. Но без этого не обойтись. И учтите, обезболивающего у меня очень мало, всего две ампулы. Я сделаю вам укол, но всю руку обезболить не смогу. Если вы сейчас так орете, что же будет, когда я начну зашивать?

– Я буду молчать, сагиб.

– И не дергайте рукой. Или идите в другую лечебницу, пусть вас штопают там.

Хирург уколол в края раны лидокаин и, пока анестезия не подействовала, приготовил иглу и нить. Потом начал шить. Крестьянин сунул в рот уголок тюрбана, постанывал, но не проронил ни слова до самого конца операции.

Краем глаза хирург заметил, как у дальней стены что-то прошмыгнуло. У самого плинтуса шевелил крыльями таракан, покачивал усиками, словно чувствовал себя в лечебнице полноправным хозяином. Хирургу захотелось на кого-нибудь наорать, но аптекарь ушла выдавать лекарство старухе с остеопорозом, которая навещала в лечебницу раз в неделю, и жалобам ее не было конца-краю; крестьянин сидел, сжав зубы и вытянув окровавленную руку. И некому было прокричать: почему у меня в операционной таракан? Мне что, прикажете оплачивать еще и дезинсекцию? Самолично заделывать трещины? Засовывать в них отраву?

Пальцы онемели, и хирург осознал, что чересчур сильно вцепился в щипцы. Он старался не срывать злость на игле с ниткой, но чем дольше сновал таракан, тем громче стонал крестьянин. После укола, показавшегося самому хирургу неоправданно жестоким, крестьянин ахнул и распахнул слезящиеся глаза. Хирург швырнул инструменты на стол и подошел к стене. Таракан бросился прочь. Хирург топнул раз, другой, третий, но не попал. Тогда он занес ногу над полом, дождался, пока таракан замрет, и, улучив момент, раздавил его каблуком. Больше от операции его ничто не отвлекало.

Не свалилась ли аптекарь часом в колодец, подумал сагиб, но та уже вернулась, чтобы перевязать рану. Хирург выписал рецепт на антибиотики и вакцину от столбняка. Крестьяне ушли, только один сидел на корточках в коридоре; завидев хирурга, он проворно вскочил.

– Это ведь вы его ранили?

- Я не специально, матерью клянусь. Мне так стыдно, что я не заметил...

- Езжайте в город и купите в аптеке вот это. Через четверть часа должен быть поезд.

- Как скажете, доктор-сагиб. - Крестьянин поклонился и выбежал из лечебницы.

Помощница закончила перевязку, и хирург крикнул ей:

- Простерилизуйте инструменты и продезинфицируйте операционную.

- Сейчас?

- Да, сейчас.

- Но ведь завтра дети придут, сагиб. На вакцинацию от полиомиелита.

- А они здесь при чем? Я убил таракана, и бог знает, сколько их еще прячется в трещинах. В моей операционной таракан. Позор. Не лечебница, а гадюшник.

?

Хирург хлопнул дверью, и аптекарь вздрогнула. Должно быть, у сагиба снова болит спина. Девушка соскребла с железной кюветки чешуйку ржавчины, собрала использованные инструменты, сняла простыню со стола. От таракана осталось лишь мокрое пятно, и отскрести его аптекарю удалось не сразу. К влажному пятнышку уже тянулась вереница муравьев, так что пришлось подмести и вымыть пол во всей операционной.

Потом аптекарь заклеила все отверстия в окнах, все щели в рамах, а заодно и места вокруг их тупых скругленных углов. Из шкафчика под раковиной достала большую мензурку, поставила в центре комнаты. Налила формалина до половины - если налить до краев, назавтра в лечебницу невозможно будет войти. Проверила, не оставила ли чего в операционной (особенно свою мангалсутру[1 - Мангалсутра - драгоценное ожерелье, которое жених во время свадебной церемонии надевает на невесту. Здесь и далее прим. пер.]), и

добавила в мензурку несколько ложек марганцовки. Смесь забулькала, аптекарь поспешно вышла из операционной, затворила за собой дверь и заклеила щель под ней скотчем.

- Вакцины уже привезли? – крикнул хирург из приемной.

- Нет еще, сагиб. Должны были сегодня.

- И как тогда прикажете прививать детей от полиомиелита? Брызгать на них розовой водой? От этих чинуш одна морока. Какая-нибудь ленивая бестолочь уехала в гости к тетке жрать жареного барашка, вместо того чтобы везти нам вакцины. Если завтра утром он не явится, клянусь, я каждую неделю буду слать жалобы в их контору, пока его не уволят.

Хирург вышел в коридор, сжимая в руке свернутую трубочкой газету, точно полицейскую дубинку.

- Я ухожу. Придут пациенты, скажите: если не помирают, пусть приходят завтра.

- Хорошо, сагиб.

?

Полный мочевой пузырь разбудил хирурга, а уснуть снова не удавалось, потому что вентилятор на потолке тарыхтел и поскрипывал. Негромко поскрипывал, но до одури монотонно. Сагибу вспомнились узники, которые сходили с ума, не выдержав пыток – капающей водой ли, другими звуками. Неизвестно, правда ли это, но в этот ранний час такие истории вызывали доверие.

Минуло почти три года с тех пор, как он приехал в эти места. Три года в этих комнатухах, в крохотном домишке по соседству с лечебницей. Окна за это время практически не изменились, разве что еще больше обветшали, воробьи проклевали дырки в сетках от комаров. Да и проку от этих сеток: разве они защитили его от тропической лихорадки? Болезнь как пришла, так и ушла, а вот слабость не проходила. Порой он опасался, что лихорадка затронула и мозг. Водворившись в лечебнице, он дал себе слово всегда находить работу для ума, как бы трудно ни было. Перевез сюда всю свою библиотеку: у кровати высились

три книжных шкафа, его бастион посреди неграмотной деревни. И когда он в последний раз брал книгу в руки? Страницы желтели, с обложек смотрели бессмысленные предложения.

Грязная рутина: вскрывай гнойники, лечи понос и кашель, вырывай гнилые зубы, а теперь еще и новая напасть – тараканов дави. И все для чего? Чтобы жить вот в этой лачуге?

Можно встать и выключить скрипящий вентилятор, но нет смысла. Все равно уже не уснуть. Заложив руки за голову, хирург наблюдал, как лопасти преследуют друг друга, описывая серые круги.

?

На рассвете аптекарь надела хирургическую маску и шагнула в окутавшее лечебницу облако формалина. Глаза слезились; девушка раскрыла все окна, выставила во всех четырех комнатах блюдечки с нашатырем, но пары формалина никак не рассеивались. Тогда она попыталась включить вентилятор.

И во весь дух помчалась домой.

– Вставай, вставай, – выпалила она, задыхаясь, – в лечебнице нет света. Холодильник греется. Доктор-сагиб ругаться будет.

Ничего не соображая спросонья, ее муж поднялся на взгорок, вошел в лечебницу, вдохнул едкую вонь, и сон тут же слетел с него. Аптекарь было жаль так его мучить, но кто еще в деревне знает, как устроена проводка в лечебнице?

– Пробки, – сказал он. – Третий раз за месяц.

Пусть себе ворчит, подумала аптекарь. Глаза красные, волосы всклокочены, лицо повязано платком – в таком виде его можно было принять за бандита. Он приставил стремянку к двери операционной, полез к щитку, а когда открыл дверцу, даже аптекарь заметила черные усики, торчавшие по бокам от пробок, – оплавившись от частых замыканий.

– Дай отвертку. И вон тот провод.

Она порылась в ящике с инструментами.

- А ты не можешь сделать так, чтобы их больше не выбивало?

- Я поговорю с сагибом насчет той штуки, как ее бишь: сдавиллизатор? Никогда ее не видел. И придется переделать всю проводку, чтобы ток шел по одной цепи.

- Только не сегодня, пожалуйста. Сегодня будет трудный день. Уж поверь.

Он отсоединил провода, подтянул и соединил заново, как надо, и зашелся таким кашлем, что аптекарь испугалась, как бы он не упал со стремянки. Каждые пять минут он наклонялся, и жена вытирала ему глаза тем же платком, что и себе. Наконец он скрутил вместе последние проводки, вставил пробки, включил – и лампы, вентилятор, холодильник ожили, затрещали, загудели.

Он убирал стремянку, когда в лечебницу вошел хирург.

- Что случилось? Почему вы плачете?

- Я не плачу, сагиб. Это все дезинсекция.

Хирург словно и не заметил формалиновой вони. Наверное, приноровился за годы учебы, подумала аптекарь. Говорят, студенты-медики трупы режут. Доктора – отважные люди. Она бы от этакого зрелища грохнулась в обморок.

Сагиб подошел к своему столу.

- Вакцины привезли?

- Еще нет. - Аптекарь попыталась туже завязать маску, но та была ей велика.

- И чем только занимаются эти мошенники? Вы им не звонили, не спрашивали, почему опаздывают?

- Звонила, но там трубку никто не берет.

– Ну и ладно. Так, значит, так, мне плевать. Не я же призывал народ прививаться. Мне-то терять нечего.

Вскоре в лечебницу начали стекаться матери, садились на корточки во дворе, прикрывали нос и рот, обмахивали детей. Если бы не вонь, они набились бы в коридор, расселись на скамейках по двое-трое. Может, оно и к лучшему, что вся лечебница пропахла формалином. Ведь еще и недели не прошло, как муж аптекаря приколотил новые доски взамен сломанных.

Последнее время по крошечному телевизору на деревенской площади беспрестанно крутили одно и то же объявление на маратхи[2 - Маратхи – один из индоарийских языков, распространен в Индии и на Маврикии.] – круглолицые матери в сари и паранджах улыбались, пожимали друг другу руки, а добрый грудной голос за кадром говорил: «Сделайте подарок вашим детям. Защитите их будущее. Всего две розовые капли». Потом на экране появлялось милое детское личико, и на глазах аптекаря наворачивались слезы: она знала, что покажут дальше – короткая сухая ножка, костыль под мышкой, закат. «Приходите непременно, – говорила аптекарь каждой встречной женщине. – С утра пораньше. И соседок предупредите».

Судя по количеству матерей, заполонивших двор лечебницы, совета аптекаря послушались деревень десять. А вакцину никак не привезут: скорее уж она упадет с неба.

Девушка закрыла окошко аптеки и принялась переставлять лекарства на полках, хотя в этом, говоря по совести, не было никакой нужды. Перевалило за полдень, аптекарь понесла хирургу еду и воду со льдом, стараясь не смотреть в глаза недовольным женщинам.

Сагиб положил на язык таблетку и запил водой.

– Значит, так. Если в ближайшие полчаса вакцину не привезут, отправьте женщин по домам. А будут кричать, скажите, пусть идут напрямиком в контору и устраивают там голодную забастовку. Лишь бы меня не донимали. Я не варю вакцины у себя на кухне. Все поняли?

– Да, сагиб.

– И скажите им, пусть ведут себя потише. А то у меня голова лопнет. Дайте человеку пообедать спокойно.

– Да, сагиб.

?

Хирург подбирал с тарелки последние куски, когда к нему постучал муж аптекаря.

– Привезли.

Хирург выглянул в окно. На взгорок, пыхтя, поднимался толстяк в линялой синей куртке-сафари. Пышноусый, в квадратных очках, с шестью большими пенопластовыми коробками. Море сидевших на корточках женщин расступилось, пропуская его.

Хирург вымыл руки, вышел в коридор. Толстяк поставил ношу на пол.

– Я вакцину принес.

– Вы должны были явиться еще вчера, – каждое слово хирурга сочилось ядом.

– Я задержался.

– Вот, значит, как? Задержались? А нам что прикажете делать? Ждать, как побирушкам, пока вы соизволите нам милостыню подать?

Чиновник взглянул на женщин, которые хлынули за ним в коридор и сейчас прикрывали от него лица краешками сари.

– Задержался и задержался, вас забыл спросить. Пришел же.

– Вопиющая безответственность. Вам, между прочим, платят не за это. У вас, чинуш, каждый второй день – выходной. На доктора вам плевать, пусть как хочет, так и выкручивается: наберет святой водички из Ганга, да и капнет

детишкам в глотку.

- Не кричите на меня, сагиб. Я вам не мальчик на побегушках.

- Думаете, я вас боюсь?

- Меня поставили надзирать за этой деревней и этой лечебницей. Я старший над вами. Не советую портить со мной отношения.

- Да ну? И чем же мне это грозит?

Чиновник погладил усы, осмотрел пальцы, словно опасался, что они окрасились.

- Я не хотел говорить об этом при всех, но, по нашим сведениям, в вашей лечебнице допускаются нарушения. Возникает вопрос о трате бюджетных средств.

Хирург рассмеялся, вложив в этот смех всю издевку, на которую был способен:

- Вы о каких деньгах? Не о тех ли, которые до нас даже не доходят? О деньгах, которые обращаются в дым, как только попадут в руки к вам и вашим товарищам?

- Послушайте, сагиб, к чему тратить время на подобные разговоры? Вам вакцину раздавать пора.

- Не учите меня делать мою работу. Если бы не ваша лень, я раздавал бы ее с восьми утра. Но раз уж вы заикнулись о нарушениях, давайте о нарушениях. Подождите, я вам сейчас в подробностях расскажу о материальном положении лечебницы.

Хирург вцепился в руку чиновника, впился так, что тот аж глаза выпучил, потащил его за собой в приемную и толкнул в кресло. Потом отодвинул дверцу настенного шкафчика (стекло противно заскрежетало), достал оттуда потрепанный зеленый гроссбух и плюхнул на стол.

– Вот наша счетная книга. Обратите внимание вот на этот раздел, со страницы пятьдесят второй и далее, где я перечислил суммы, которые мне пришлось потратить на лечебницу, чтобы она окончательно не развалилась. Впрочем, на такое нарушение вы наверняка закроете глаза.

Чиновник точно прилип к креслу.

– Я работаю без медсестры. Я не раз просил контору выделить мне помощницу, разместить объявление в окружной газете, но прошло несколько месяцев, а заявке моей так и не дали ход. Мне нужен новый автоклав – наш старый того и гляди взорвется и нас покалечит. Мне нужен новый аппарат ЭКГ и отсос в операционную... В таких условиях невозможно работать. Морг еще туда-сюда, но не лечебница. Я каждый месяц трачу деньги из собственного кармана, чтобы она худо-бедно функционировала. Я покупаю антибиотики и нити для сшивания ран. И керосин для генератора. Я знаю, сколько средств выделяют нам из государственного бюджета, но их подъедают ваши посредники, жирные свиньи. Посидите-ка здесь, проверьте счета. Проведите собственное расследование. Подготовьте подробный отчет для начальства. Я подожду.

Давненько хирург не видел зрелища приятнее, чем выражение брыластого чиновничьего лица. Посетитель скрипел зубами, барабанил пальцами, словно пытался выбраться из глыбы льда. В коридоре захихикали. Чиновник нахмурился, выудил из кармана брошюрку, принялся сравнивать записи с цифрами из grossбуха. Несколько раз порывался сделать пометку, но ручка его так и не коснулась бумаги. Наконец формалиновая вонь совершенно его доконала, и он прижал к носу платок.

– Мне нужно осмотреть лечебницу.

– Сколько вам будет угодно. В ней всего четыре комнаты, так что не спешите. Лупу дать?

Чиновник развернулся и вышел в коридор. Женщины шарахнулись от него, как от змеи.

Хирург фыркнул. Этот еще новичок. Опытные-то разыгрывают партию половчее. Уж они умеют подловить простодушного, пошатнуть уверенность колкими замечаниями, грозными гримасами, знают, когда цокнуть, когда хмыкнуть, давят

медленно, постепенно усиливая нажим: всей этой премудрости они выучились у своих начальников-сволочей, а те – у бесконечной вереницы своих начальников-сволочей. И как только запуганная жертва обмолвится о ничтожнейшей ошибке, малейшем расходе государственных средств на личные нужды, готово дело. Чиновничья мразь спокойненько произносит свой монолог: «Ну что вы, не стоит беспокоиться, в конце концов, все ошибаются. Если вы один раз оступились, это еще не значит, что вы плохой человек. Разумеется, правительство строго следит за соблюдением законов. Это его долг перед обществом. Но я не позволю замарать ваше доброе имя. Уверен, мы обязательно договоримся. И всё останется в этих четырех стенах».

Да скорее моря закипят, чем он потерпит в своей лечебнице этакую чушь.

Хирург разбирал принесенные коробки, раскладывал ампулы с вакциной в холодильнике.

– Смотрите! – крикнул кто-то.

Он поднял глаза и увидел, как чиновник пробирается сквозь толпу во дворе. Хирург приставил ладони рупором ко рту и крикнул ему вслед:

– В следующий раз не надо вакцины, принесите нам воды из Ганга!

Куртка-сафари припустила прочь.

?

Если бы на том все и закончилось. Но нет: еще предстояло разобраться с заплонившими взгорки женщинами и их отпрысками.

В коридоре муж аптекаря, точно регулировщик, выстраивал собравшихся в очередь и направлял кого к хирургу, кого к своей жене.

Хирург выдавил две розовые капли на язык малышке. Та закашлялась, разревелась, на губах закипела розовая слюна, мать подхватила девочку, погладила по спине.

– Готово. Следующий.

– Спасибо вам, доктор-сагиб. Благословите мою дочь.

– Проходите, проходите. Следующий. Я вам не священник. Пациенты ждут.

Молодая мать, сама еще совсем девочка, ушла, а на ее место встала другая, похожая на нее как сестра-близнец. Эта привела трехлетнего сына в оборванной коричневой рубашонке. Мальчишка хныкал, тер глаза.

– Глазки щипет.

– Что поделать, потерпи, – мать удерживала его, чтобы стоял спокойно. – Сейчас примешь лекарство, и пойдём.

– Щипет. Глазки болят.

– Сагиб ждет, сынок. – Она попыталась раскрыть сыну ротик, но мальчишка вертелся, мотал головой.

Хирург стиснул зубы. Что они о себе возомнили? Хотят прививаться, пусть прививаются, а нет, так скатертью дорога, ему все равно. Они же понятия не имеют ни о его квалификации, ни о навыках. Он даже обрадовался, что формалин ест глаза им и их соплякам: пусть знают, что он хирург, а не какой-нибудь там коновал. Пусть им хоть совсем глаза выест.

Матери с детьми тянулись нескончаемой вереницей, хирург принимал их молча. День клонился к вечеру, и толпа во дворе лечебницы редела.

?

Когда ушли последние пациенты, формалиновая вонь выжала все слезы до конца и испарилась, хирург плюхнулся в кресло. Солнце, точно мешок с кровью, распоротый горизонтом, пятнало приземистые кирпичные домишки. Насколько хватало глаз, тянулась пересохшая земля в сыпи пожелтевших сорняков.

Эти деревенские виды выдавливали из него жизнь. Его вдруг охватила жгучая ненависть ко всему – и к пыли, густо покрывавшей землю, и к белым, точно кости, деревьям, с нелепым упорством цеплявшимся за небо, даже к бродячим псам, ковылявшим от порога к порогу в поисках мясных обрезков. Если бы все это исчезло, мир стал бы намного лучше.

Он запустил пальцы в волосы – те немногие, что остались; на лачугах вдали гасло солнце, на угрюмую деревню дегтем сочился мрак. «Больше никогда, – зевнул хирург. – Никогда». Отныне он не потратит на это место ни пайсы [3 - Пайса – индийская монета, сотая часть рупии.] собственных денег. Соберет все, что удалось скопить, и уедет. Самое позднее через два месяца. Подыщет себе жилье. Где угодно. А чинуша пусть возьмет себе этот гадюшник и угробит его окончательно.

Два

Хирург выписывал в журнале учета длинный ряд цифр, как вдруг его окликнули:

– Доктор-сагиб!

Перо замерло; под ним на дешевой бумаге расплылся чернильный кружок. Цифры вылетели у доктора из головы. Он поднял глаза.

В дверях стояли посетители. Он не слышал, как они вошли в лечебницу.

– Вакцинация от полиомиелита закончена. Вакцин не осталось. Ни одной.

Хирург указал ручкой на мальчика с овальным лицом и непослушными вихрами за ушами.

– Сколько лет вашему сыну?

– Восемь, – ответил посетитель.

- Тогда ему прививка не нужна. Она для тех, кому пять лет и меньше.

- Мы пришли не на прививку, доктор-сагиб.

Хирург снял бифокальные очки, протер захватанные стекла и водрузил обратно на нос. Этим людям он явно видел впервые. Мужчина тощий, с овальным, как у сына, лицом, поросшим щетиной. Стоящая за мальчиком женщина вроде бы чуть моложе мужчины. Наверное, его жена. Шея и подбородок так укутаны шалью, что не видно мангалсутры.

- А зачем же тогда? - Хирург снова уткнулся в ведомость. Сперва общайся с чинушей, потом сиди здесь в четырех стенах, вливай капли в рот орущим ребятишкам: все это вымотало его донельзя. И еще его неуместный перфекционизм, неспособность заполнить журнал учета прививок бессмысленной писаниной и забыть об этом. Эти журналы свалят в каком-нибудь государственном архиве и никогда не откроют, но все равно будь добр выписать на счета-фактуры серийные номера с коробок и проследить, чтобы номера коробок совпадали с пробирками и числом привитых детей. Он почти закончил. Еще бы пятнадцать минут, да чтобы никто не беспокоил, - и все было бы сделано.

Что себе думает аптекарь? Вроде бы она была на складе, рассовывала по шкафам картонные коробки, предварительно сложив их в несколько раз, чтобы поместились. Вместо того чтобы заниматься оригами, эта девчонка должна была остановить посетителей на пороге и сказать, мол, поздно уже, лечебница закрыта, приходите завтра.

Аптекарь не показывалась. Придется ему разбираться с ними самостоятельно.

- Вы оглохли? Что вам надо?

Посетители вздрогнули.

- Нам нужна ваша помощь, - сказал мужчина. - Возможно, наша просьба покажется вам странной.

- Странная просьба? Что вы несете? Говорите, зачем пожаловали, или уходите.

Тут в кабинет влетела испуганная аптекарь.

– Что вы здесь делаете? Сагиба нельзя беспокоить. Ждите снаружи, ждите снаружи, – с этими словами она попыталась выпроводить незваных гостей в коридор.

Мальчик шагнул в сторону, хирург заметил выпятившийся живот женщины и поднял руку.

– Ваша жена рожает? Воды уже отошли?

– Нет. То есть ей действительно скоро рожать, но мы пришли не поэтому. Ну или не только поэтому.

Мужчина замолчал, вытер губы тыльной стороной ладони и, округлив глаза, пробормотал:

– Н-нас сильно ранили. Всех троих. Нас нужно прооперировать. Сегодня же.

Посетитель был явно не из простых: грамотная речь выдавала в нем человека образованного. Но зачем их оперировать? Может, хирург ослышался? Что он имел в виду...

– Покажите, – велел доктор.

Мальчик задрал майку, мужчина расстегнул рубашку, поднял правую руку над головой; оба действовали проворно, как лавочники, демонстрирующие покупателю свой товар. В боку у мужчины зияла рана, побелевшие края ее разошлись, точно губы, замершие на полуфразе. Хирургу даже показалось, что из раны торчат кости. У мальчишки распух живот. Слева, под ребрами, распахнулся крестообразный разрез с загнутыми вверх краями. Женщина размотала наконец длинную шаль. Не может такого быть, подумал хирург. Померещилось, не иначе. У женщины рассечена шея – но ведь это, скорее всего, обман зрения? Или в ране действительно виднеются мышцы? А там еще что такое? Неужто и правда гортань?

И при всем при том ни капли крови, даже на шее. Никак, эти мошенники его дурачат? Откуда они вообще взялись?

Краем глаза хирург заметил какое-то движение. Аптекарь вздрогнула и застыла, точно на нее столбняк нашел. Он и забыл, что она все еще здесь. Мужчина с резаной раной в боку подскочил к ней сзади, одной рукой схватил за запястья, другой зажал девушке рот. Аптекарь принялась вырываться: совсем худышка, но нападавший никак не мог с ней справиться, морщась, выкручивал ей руки, наконец прижал спиной к своей груди, так что девушка не могла пошевелиться.

Воздух словно загустел, стал вязким. Хирург с силой проталкивался вперед, пытаясь добраться до аптекаря. Нечаянно задел рукой лежавшие на столе книги, и они упали на пол. Женщина со страшной раной на шее преградила ему дорогу, схватила за руку, прижала палец к губам.

– Ради бога, доктор-сагиб, ради бога, – произнес мужчина, – клянусь, я не причиню вам вреда. Мы порядочные люди. Нам просто нужна ваша помощь.

– Что... – начал было хирург, но осекся, не сумев подобрать слов. Он молча смотрел, как по знаку мужчины мальчишка бросился к окну, захлопнул раму, опустил шпингалет, закрыл дверь на засов, смотрел, как женщина подошла к аптекарю, погладила по щеке, зашептала: умоляю, сестра, только не кричи.

Они его не дурачили. При виде женщины аптекарь выгнулась, точно лук, удерживавший ее мужчина пошатнулся и отступил на шаг, чтобы не дать ей вырваться. Аптекарь во все глаза таращилась на горло женщины. Хирург почувствовал, как мышцы его шеи завязываются узлом, того и гляди вырвут нервы из черепа. Он оперся ладонью на прохладное стекло, закрывавшее столешницу.

Мужчина с прорехой в боку открыл рот, но, если что и сказал, хирург не слышал ни слова. Женщина замолчала: она, должно быть, поняла, какое впечатление производят ее раны, а потому снова укутала горло шалью.

Хирург лихорадочно озирался. Можно ли использовать ручку как оружие, достаточно ли острое перо, не сломается ли? Ручка валялась на полу; перо отломилось. На плитках брызги чернил. Что еще? В ящике стола вроде были ножницы, но это надо рыться, искать.

Он вцепился в край стола, навалился на него:

– В чем дело? Что происходит?

Пришельцы стояли, как восковые фигуры. Женщина с мальчиком обернулись к мужчине; тот открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Аптекарь перестала вырываться, обмякла, привалилась к нему спиной, зажмурилась и тяжело дышала. Мужчина закрыл глаза и вздохнул, словно собираясь с силами перед рывком.

– Я учитель, доктор-сагиб. А это моя жена и сын. Мы никогда и мухи не обидели. И всего лишь хотим жить спокойно.

Три

– Мы были на ярмарке неподалеку от нашей деревни, – сказал мужчина, назвавший себя учителем. – Ушли оттуда уже на закате. На улице было темно. Лампы в фонарях перегорели. Тогда я не придавал этому значения, даже не посмотрел по сторонам. Как же горько я теперь об этом жалею!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Мангалсутра – драгоценное ожерелье, которое жених во время свадебной церемонии надевает на невесту. Здесь и далее прим. пер.

2

Маратхи – один из индоарийских языков, распространен в Индии и на Маврикии.

3

Пайса – индийская монета, сотая часть рупии.

Купить: https://tellnovel.com/paralkar_vikram/nochnoy-teatr

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)